

Роза

Мукаганова

ФАРИЗА

Эссе

Бархатный негромкий голос, спокойного достоинства стать, выразительный взгляд... Мы никогда не говорили с ней по душам, не откровенничали наедине, делясь сокровенным. Но ее особый, только ей присущий нрав, ее судьба, ее поэтический облик, притягивая к себе, стоят особняком и сравнению не подлежат.

По-моему, она ни с кем глубоко не связана. Гнездо свое она свила на одиноком высоком утесе и парит в вышине, подобно орлице, широко раскинув крылья, словно пытаясь обнять всю раздольную степь. Зорко оглядывает она землю. Ничего не может укрыться от взгляда орлицы.

Наверное, поэтому и некогда обращать ей внимания на житейские мелочи, выражать по поводу них свои чувства. Ее натуре, ее характеру соответствует судьба, выбранная ею самой. Да, она из тех, кто сам выбирает свою судьбу. Из тех, кто, сделав Поэзию своим предназначением, вполне сознательно отказываются от многого.

Большинство видят красоту лишь в границах внешнего проявления, доступного взору, – в приятном облике, броских одеждах, ярких украшениях, в радости развлечений.

Фариза – женщина, выбравшая красоту души. Драму жизни она пишет языком поэзии. «Когда заносит сердце от чьего-то невежества, от чьей-то печали, когда холод пронизывает душу, я принимаю к тебе, Поэзия», – говорит она. Так она чувствовала и жила, очарованная ее неизбывной негой и силой. Ради Поэзии она готова была и на страдания, и на муки. Жизнь она понимала как служение высшему искусству.

Прозорливость Мукагали, бунтарски всколыхнувшего стоячие воды казахской поэзии, заключается в том, что он возлагал большие надежды на юную хрупкую девушку, на ее полные упрямой воли, дерзкой силы стихи.

Мукагали впервые узнал Фаризу по стихам, он не был с ней знаком. Но именно он разрушил неприступную каменную стену той литературной среды, что не хотела впускать в свой круг начинающую поэтессу. «Саги, помни мое слово, она вас всех оставит далеко позади». Фариза тогда и подумать не могла, что Мукагали так говорит о ней. Ей доводилось встречаться с ним, но он казался таким далеким и отрешенным. Быть может, и не было особой нужды в их знакомстве, и Мукагали не нуждался в их более тесном общении.

Быть может, поэт создал в своем поэтическом мире ее вдохновенный образ и обращался к нему, делясь своими сокровенными мыслями.

Обнаружив в стихах Фаризы цельный характер, он восхитился его мощью и обнажил перед ним свою душу. Скорее всего, ему не было нужды в земной Фаризе, в ее житейском проявлении. Но ему надо было перед кем-нибудь открыться, поделиться своими мыслями, печальями, горестями...

Именно ей, девушке с трепетной душой ласточки, талантливой, яркой поэтессе, захотел он стать защитой, опорой, несмотря на то, что и сам он в то время, приехав в город из аула, терзался от необустроенности, от злых и несправедливых нападок зашоренной литературной среды, которая делала всяческие попытки обуздать, пригнать его.

Мукагали преклонялся перед зрелыми стихами Фаризы, чувствовал с ней духовную близость, но он не видел в ней девушки, он не думал о ней, как о женщине. Может статься, его привлекали вот эти стихи Фаризы:

Если я родилась девочкой, то виновата ли в этом?
 Разве золото оценивают по размеру, а не по пробе?
 И горы, и камень возрождаются.
 Скрип ветхой арбы похож на речь суетливых мужчин,
 Мне чуждо их дешевое славословие. Слова предков
 Я не присваиваю себе, утверждая, что они мои.
 Да, я еще птенец с неокрепшими крыльями,
 Меня касались только добрые руки мира.
 Выходите, если вы не трусы,
 И у вас есть песни, достойные высокой души.
 Пусть они примут участие в состязанье,
 Оцените свои силы!
 Таких, как вы, скрывающих свое обличье
 Под ангельской маской,
 Выгоню я из рая!

(подстрочный перевод)

Да и в самом деле, разве не так? Почему каждый, взявшийся за перо, готов возомнить себя гением, и потом, легко уверовав в свою исключительность, все более заблуждается, сбивается с истинного пути? Наверное, Мукагали понравилась идея изгнания из рая погрязших в славословии, сплетнях и лжи? И он в душевном порыве устремился к ее маленькому сердцу, в котором было столько страсти, столько одинокого противостояния, столько правды!

Родство душ Мукагали и Фаризы сродни духовной близости, испытанной Мариной Цветаевой к Александру Блоку. Цветаева видела Блока всего два раза. Впервые она увидела его в Москве, когда он читал свои стихи. Она написала ему много посвящений. Писала, как пишут близкому другу, не таясь, открыто, печалась и тоскуя.

Имя твое – птица в руке,
 Имя твое – льдинка на языке.
 Одно-единственное движение губ.

Имя твое – пять букв.
 Мячик, пойманный на лету,
 Серебряный бубенец во рту.

Или:

...И не знаешь ты, что зарей в Кремле
 Легче дышится – чем на всей земле!
 И не знаешь ты, что зарей в Кремле
 Я молюсь тебе – до зари.
 ...Всей бессонницей я тебя люблю,
 Всей бессонницей я тебе внемлю...

Великим бывает дано почувствовать, понять друг друга с полуслова, у них общая природа дара. Притяжение их друг к другу необъяснимо, но, видимо, закономерно, как живущих в системе сообщающегося кровотока. Цветаева боготворила Блока, и началось это с чтения его стихов. Марина писала Анне Ахматовой: «Смерть Блока я чувствую как вознесение. Человеческую боль свою глотаю... Не хочу его в гробу, хочу его в зорях».

Не знаю, какие чувства испытывала Фариза, когда умер Мукагали, но правда в том, что когда случается смерть истинного таланта, оставшиеся ощущают брешь в собственной душе, в собственной судьбе, страдая и оплакивая уход человека далекого, как самого родного и близкого.

У нас иногда великих делят, растаскивают их по родам, племенам, регионам, различают согласно полу. Это плохая привычка обнаруживается не часто, но она сохраняется и сейчас. А великие породнены на небесах. Их искусство принадлежит народу. И народу же принадлежат и великие, и выдающиеся. Искусство не должно делиться по гендерному признаку, оно не может быть ограничено какими-то условностями, потому что и само Искусство, и восприятие его беспредельно, не имеет границ. И можно ли мыслить по-другому?

По правде говоря, для меня Искусство – божественная красота, которая не откроется человеку неподготовленному, как и любое другое божественное явление, несущее в себе загадку, сокровенную тайну, влекущую приблизиться, раскрыть ее...

Искусство похоже на одинокий утес, до которого не каждому дотянуться. И на этот высокий утес восходят личности необыкновенные, исключительные. Их немного. Будущие поколения, наверное, не раз позавидуют нам, но не раз и опечалятся. Мы счастливые люди, потому что у нас есть возможность слышать этих немногих, видеть их, встречаться с ними. Они признанные всеми таланты, ими восхищаются, ими гордятся. Но их становится все меньше и меньше, они покидают нас, как камешки в порванной временем нитке бус.

Но они пока еще здесь, среди нас, они живут с нами. Мы удостоены счастья быть их современниками, коллегами. Иногда мы обижаем их, сердимся, реагируем на любой пустяк, будто они будут жить вечно, и даже поворачиваемся к ним спиной. А напрасно... Я видела выдающихся представителей искусства конца двадцатого века. Была знакома с ними. Читала и перечитывала их книги, пыталась подражать им; встречаясь с ними, не могла скрыть удивления и вос-

хищения. Это мои старшие друзья-товарищи Саин Муратбеков, Сакен Жунусов, Оралхан Бокеев... Но и живущие ныне представляют собой целое созвездие имен. Перечислять их не смею, потому что кто-нибудь, не найдя себя в списке, обязательно обидится и останется в претензии. Но у меня нет желания и права их огорчать. И ярчайшая в этом созвездии – казахская поэтесса Фариза Онгарсынова.

Люди считают ее холодной, упрямой, замкнутой, необщительной. Кто-то знает, что такова ее натура, а кто-то не знает и недолюбливает ее. Но думаю, что холодность и сухость, присущие ей, вполне органично выражают ее поэтический облик. Она немногословна даже в минуты редких откровений. Я поняла, что Фариза ищет Друга. У нее не было друзей, потому что с самого начала она определила себе в друзья самого близкого, самого верного сотоварища – Поэзию. Сколь бы ни была она щедра и расточительна в обыденной жизни, но поделиться с кем-нибудь неделимым, несказанным – Поэзией – она не может. Поэзия – дух, душа ее.

Фариза умела понять выдающихся личностей, умела делиться с ними тайнами, умела их хранить. Один из них – Аскар Сулейменов.

В Казгуграде проходила встреча с Аскаром Сулейменовым. То ли он шутил, то ли был серьезен, но было заметно, что он пребывал не в своей тарелке. Держался с вызовом, говорил колкости, поддевал всех. Настроение у него было мрачноватое, говорил он невпопад, рассеянно, с сарказмом. Вот в таком состоянии Асекен, не обращая внимания на окружающих, вдруг сказал: «Фариза Онгарсынова залепила пощечину Аскару Сулейменову. Она была моим другом». Мы не посмели спросить о причине случившегося, потому что боялись его.

Вспомнила об этом случае, когда однажды Фариза обмолвилась в разговоре со мной, что была дружна с Аскаром, тесно общалась, просила его научить ее кататься на коньках. И мне кажется, что Фариза со своим стальным характером обуздывала неистовый характер Аскара, могла усмирить его.

В одежде своей она была тоже, как в жизни, сдержанна, холодновата. Никто никогда не видел, чтобы она, как многие другие женщины, когда-нибудь вышла бы в вызывающем наряде, увлекалась бы украшениями, бриллиантами. Как у Беллы Ахмадуллиной:

...Мне не выпало лишней удачи,
Слава Богу, не выпало мне
быть заслуженной или богаче
всех соседей моих по Земле...

Кто знает, вероятно, опрощение в жизни свойственно лишь некоторым талантам? Необычное и тайное бытие, сердечная щедрость и скупость, все пережитое, хранящееся в себе, в собственной душе, что становится сокровищами собственного духа... сокровищами слова...

Фариза и простое, и жесткое слово свое направляет, как стрелу из лука, точно в цель. Кому-то оно, ее слово, покажется верным, кто-то в нем усомнится, а бывает, что и припомнят ей его, и пострадает она от него. Но не изменить ей характера своего и нрава, данных Богом. Даже в тех случаях, когда и мужчины в замешательстве переглядываются, не находя нужных реплик, Фариза со све-

денными скулами холодно оглянет всех и скажет: «Вы на каком языке ведете разговор»?

То, что нравится всем, бывает, не нравится ей. Отчего она не любит шумных сборищ, отказывается быть в центре внимания, отчего? Почему она выбирает то, что не нравится другим, почему не принимает того, что одобряется большинством? Это – ее тайна, загадка выбора ее души... И страдания – только ее страдания. Обо всем знает только ее сердце, отчаянно бьющееся в груди. Потому и прежде времени укутала это маленькое сердце усталость, слишком рано... Вспоминаются слова Мукагали: «...болит не сердце, болит не печень, болит окровавленная моя душа»...

Как-то в президентском Центре шла постановка эпоса «Алпамыс батыр». Слушаю раздирающий сердце плач Байбори:

Оттого, что бездетный, окружающие меня унижают,
 Повелевают мной те, у кого есть потомство.
 Когда же ты увидишь мои слезы, о Боже!
 Остался я один, удалились друзья, отдалились.
 Не могу сдержать слез, тоскую по ребенку.
 Бездетного каждый может обидеть.

(подстрочный перевод)

«Бездетный Байбори» – эти слова обжигают душу. До сих пор удивляюсь юноше-композитору, написавшему музыку к плачу Байбори, такому пронзительному, такому искреннему, что невозможно сдержать дрожь. На глаза мои невольно навернулись слезы: вспомнилось, как семь лет страдала я в тягучем ожидании, в слезах и молитвах. Я исходила босыми ногами все пути-дороги к святым местам, молилась и у Гаип-ерена. Так же, как Аналык в эпосе, целыми днями рыдала, прося у Бога дитя. Другие зрители спокойно сидели в креслах и безучастно слушали музыку. Наверное, тоска и печаль порождают друг друга. Тогда я увидела, что сидевшая рядом Фариза тоже плачет.

Меня это, конечно, удивило. Казалось бы, чего еще ей желать? Знаменитая, снискавшая славу и почести, уважаемая и признанная всеми, сидит и плачет над песней. Одна слезинка, скатившись по мокрой щеке, скользнула вниз, на колено и мгновенно исчезла. Стараясь не смотреть на нее, я делала вид, что не замечаю ее слез. Не пыталась утешить меня и она. Моя тайна неизвестна ей, а ее неведома мне. Заставили же нас пребывать в печали страдания Байбори и Аналык.

В конце спектакля Аким Тарази поднял нашего мальчика Алпамыса на руки, и тот вручил батыру Алпамысу цветы. Все, кто знал нас, захлопали, ободряя и радуясь вместе с нами.

Поэтесса Фариза встала и двинулась к выходу. С ней здоровались, ее окружили, фотографировались, просили автограф, обнимали ее. Видел ли кто кроме меня ее полные слез глаза...

Всегда удивляюсь, как поэты, обладая даром прозрения, с открытым забралом, гордо вскинув голову, принимают вызовы времени, уверенно делают выбор, не страшась зловещих отметин судьбы, а потом сквозь слезы и рыдания выражают в поэтических строфах свои провидческие откровения. Это как же у них полу-

чается? Если он знает, что его ждет, разве нельзя наперед изменить, подправить что-то, – думаю я порой с сожалением. Но так думаем мы, простые люди. Нам не суждено понять их помыслы, потому что удел поэтов – следовать предназначенному свыше божьему промыслу.

Читаю эти стихи и думаю, как она, совсем еще юная, не имея жизненного опыта, могла написать такое:

У одинокого и скот не прибавляется,
И веселье трудно ему дается,
Пройдут в пустом одиночестве дни,
Как у одинокой сосны на утесе.
У бедняка бедняцкая доля,
Как у зверя, что бродит в камышах.
Когда он, устав, теряет сознание,
Не найдет никого, к кому
Обратиться с последним словом.
Даже если ты рожден быть лучшим из лучших,
Гением и провидцем, знай,
Одиночество украшает лишь Бога и солнце.
Поймет ли меня твоя душа,
Плача и стеная от рыданий?
И ночами не могу приподнять
Завесу своих мыслей в тумане...
Если закроются мои очи,
Если погаснет проматерь-солнце,
Думаю только о том, что останешься ты одна.
Родная моя, вот о чем мои мысли.

(подстрочный перевод)

Эти слова вкладывает Фариза в уста своей матери, думая о Вечном.

Судьба определила Фаризе место на самой вершине. С той высоты она, взмахнув широкими крылами, вольно объемлет просторы Земли и Неба. Орлица никогда не станет чьей-то добычей. Пища ее на земле, но парить ей суждено в небе.

Перевод с казахского

Раушан Иманжусуп, Любови Шашковой

